

II. Rezensionen

Литературный факт: Научный журнал. Москва: ИМЛИ РАН 2016. № 1–2. 464 с.

В славистике произошло примечательное событие. Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького взял на себя труд по изданию журнала, репрезентирующего достижения современной истории русской литературы XVIII–XX вв. В состав Редакции, Редколлегии и Международного редсовета журнала входят ведущие ученые из различных стран. Главным редактором является Олег Анатольевич Коростелев.

Как выясняется из предисловия, редакция новоиспеченного издания тяготеет к эмпирическому подходу, ставя перед собой целью освещение «фактической стороны литературного (окололитературного, научного) процесса» (8). При этом введенное в научный оборот Ю.Н. Тыняновым понятие «литературный факт», фиксирующее негативную реакцию ученого на господствовавший в 1920-е гг. биографический метод, переосмысливается как имеющее отношение, в том числе, и к «проблемам биографии» (8).

Номер открывается рубрикой *Мемуары. Письма. Дневники*. Впервые печатается небольшой по объему (около 20 стр.), но чрезвычайно интересный и информативный дневник М.О. Гершензона за 1894–1895 гг., тщательно подготовленный А.Л. Соболевым (Комментарий занимает почти половину объема публикации). В дневнике на первом плане стоят две основные темы: начало любовных отношений автора с Марией Гольденвейзер и, как формулирует публикатор, «постижение собственной научной миссии» (10). Сердечные переживания Гершензона поражают читателя разве что какой-то старомодной деликатностью или даже чопорностью, удивительной для нашего времени. Пафосно, но, конечно, искренне звучат миссионерские мечтания будущего знаменитого историка, осознавшего свою избранность и свое предназначение:

Мой час придет; я скажу людям свежее, молодое слово, скажу им, как хороша жизнь, потому что они забыли это, и скажу им, что одна есть дорога – к свету, одна цель – счастье всех и наслаждение этой красотой. Я слишком отличен от них [обычных, «близоруких людей», Ю.Р., В.Ч.], слишком свеж сравнительно с ними – я не могу ошибиться в этом. Я между ними как полудиккий германец в изнеженном, рафинированном Риме времен империи. (32)

В записях двадцатилетнего интеллектуала, только что окончившего университет, содержатся мнения о книгах, театральные постановки, разговоры с друзьями и, пожалуй, самое интересное, с научным руководителем – известным историком П.Г. Виноградовым. Вот, например, запись от 7 октября 1894 г., когда вся страна с тревогой следила за состоянием Александра III, медленно угасавшего в ливадийском дворце, и гадала о будущем:

Сейчас вернулся от Виноградова. Читали утренние телеграммы и говорили о грядущих событиях. Я говорил: «Это будет интересно», – он отвечал: «Это будет тяжело. Начнется метание из стороны в сторону, время капризов, либеральных позывов и господства женщин – со всеми последствиями», и рассказывал, какие тяжелые минуты переживал всякий мыслящий человек в террористическую эпоху 1880–83 при ежедневных известиях о покушениях и казнях. (13)

Характерно, что оба прогноза на следующее царствование оправдались.

В той же мемуарной рубрике Н.А. Богомолов публикует полный корпус сохранившихся писем З.Н. Гиппиус к А.И. Тинякову, относящихся, в основном, к 1915–1916 гг. Александр Тиняков, второстепенный литератор Серебряного века с крайне сомнительной репутацией российского «проклятого поэта», в последние годы по разным причинам привлекает особое внимание историков литературы. В начале карьеры он слишком буквально и азартно принял «предложение» Брюсова строить свою жизнь по лекалам символистского жизнотворчества, что привело, в конце концов, к моральному краху. При этом, как постепенно проясняется, «эпигон Брюсова» не жил литературным отшельником, а наоборот, был основательно вовлечен в литературный процесс эпохи, был знаком почти со всеми ведущими писателями 1910-х гг., со многими переписывался, просил советов, искал покровительства. С другой стороны, и самого Тинякова литературные мэтры пытались использовать, «пристроить» к своим делам, воспитывать, что и показывают письма Гиппиус.

Рубрика *Из творческого наследия* целиком посвящена малоизвестным немецкоязычным работам Д.П. Святополк-Мирского, масштабное критическое наследие которого в последние годы активно вводится в научный оборот. «Мирский» блок открывает работа М.В. Ефимова, исследователя и популяризатора творчества критика, *Статьи и рецензии Д.П. Святополк-Мирского в журнале 'Slavische Rundschau' (1929–1932)*, в качестве первого приложения к которой даны восемь публикаций знаменитого критика в переводе с немецкого Т.В. Марченко с совместным комментарием Ефимова и переводчицы. Вторым приложением к статье Ефимова является большая и информативная работа Т.В. Марченко *Россика на страницах 'Slavische Rundschau'*. Несколько странная структура рубрики, где основная публикация идет как *приложение* к вступительной статье, несколько не снижает научной значимости всей подборки. Снова хочется отметить качество комментариев, это, похоже, становится фирменным стилем нового журнала. Из работ Святополк-Мирского своей концептуальностью и объемом выделяются статьи *Литература русской эмиграции* и *Современный русский исторический роман*. В первой статье критик рассматривает ситуацию с эмигрантскими журналами и их авторами. В *Современных записках*, которые «держат глухую оборону против молодежи», он выделяет роман И.А. Бунина *Жизнь Арсеньева* – «самый значительный из его послереволюционных произведений», отмечая при этом «рыхлую бесформенность» с «метафизическими излишествами». На второе место среди прозаиков Мирский ставит И.С. Шмелева, воздерживаясь от оценок конкретных произведений, на третье – Михаила Осоргина, вскользь замечая, что он больше «лубочный журналист». Симпатии критика целиком на стороне коллег по «Верстам» и по «евразийскому направлению» – Алексея Ремизова и Марины Цветаевой. Ремизова Мирский довольно неожиданно «причисляет к поэтам», называя две его прозаические книги, написанные по мотивам древнерусских апокрифов и легенд, – *Звезда надзвездная* и *Три серпа*. Первое место среди поэтов эмиграции, по мнению критика, принадлежит Цветаевой: «Цветаева – крупнейший (после Пастернака) поэт ее поколения». Уточнение *после Пастернака* довольно характерно для Мирского, переживавшего в эти годы страстное увлечение советской литературой и советским проектом вообще. Даже лучшие писатели эмиграции, по мнению критика, недотягивают до советских литературных шедевров. Еще более просоветской выглядит статья о русском историческом романе. Вот «классовая» оценка романа Ю.Н. Тынянова *Смерть Вазир-Мухтара*:

Остается не эксплицированным, что Грибоедов, в сущности, – человек не только вчерашнего, но и завтрашнего дня, тогда как подхалимы Николая, которых он, Грибоедов, в исторической перспективе победил, – это преходящее сегодня. Вступая в их партию, Грибоедов предаст не только свое прошлое, но и будущее – свое и своего класса. (124)

Практически Мирский пишет в духе печально знаменитой рапповской критики.

Рубрику *Литературные общества и объединения* составили работы С.И. Панова *Из литературной почты 'Арзамаса'* и Д.П. Ивинского *Вяземский и 'Арзамас': Из комментария к письмам А.С. Пушкина*, которые были подготовлены в рамках проекта *Остафьевский архив. П.А. Вяземский: Новые материалы и исследования*. В рамках исследования арзамасского эпистолярия Панов раздвигает хронологические рамки известной переписки П.А. Вяземского с В.А. Жуковским и А.И. Тургеневым. Стихотворные послания Жуковского Вяземскому от июня 1808 г., опубликованные в 1983 г. В.В. Пуховым (Пухов 1983), предвzряются, как выяснил Панов, письмом в стихах Вяземского от 12 мая 1808 г. К этому же времени относится его черновой набросок, корректирующий существующие представления о функции и эпохе так называемой «хвостовианы», – сгруппированных вокруг литературной личности Д.И. Хвостова пародийных текстов начала XIX в. Исследователь «хвостовианы» Ю.Н. Тынянов относил ее к «20-м годам XIX века» (Тынянов 1977, 303), а самого Хвостова считал жертвой литературной борьбы между «Арзамасом» и «Беседой любителей русского слова» (Тынянов 1977, 304). Однако упоминание Хвостова в характерном гиперболическом стиле можно наблюдать уже в упомянутом черновом наброске Вяземского, – в пародийной связке с признанными среди поклонников классицизма авторитетами мирового уровня Горацием, Буало и Баттё (184). Согласно Панову, первый образец «галиматъи» как стиля дружеской переписки «Арзамаса» содержится в письме Вяземского (созданном при участии Жуковского) А.И. Тургеневу от 4 февраля 1809 г., а не в его письме, датированном началом 1812 г., как считал публикатор их многотомной переписки В.И. Саитов. Доныне считалось, что первым свидетельством об учреждении «Арзамаса» является письмо Жуковского Вяземскому от 19 октября 1815 г. Как установил Панов, таковым на самом деле следует считать записку А.И. Тургенева Вяземскому от 15 октября 1815 г.

Как выяснил Д.П. Ивинский в упомянутой работе, в культурно-исторической перспективе начала XIX в. личности Буало и Шапеля воспринимались как генетически восходящие к Гераклиту, с его культом разрушения, и Эпикуру, с его приятием жизни, соответственно. Называя Вяземского в письмах 1816 г. Буало и Шапелем одновременно, Пушкин тем самым продемонстрировал свою способность уже в это время верно оценивать сложный характер своего друга,

чья склонность к жизненным удовольствиям, – по словам Ивинского, – не-редко (с годами – все чаще) омрачалась приступами хандры, а литературно-политический оптимизм осложнялся скептическим складом ума. (205)

В письме Пушкина к Вяземскому от 24 сентября 1824 г. содержатся не менее парадоксальные характеристики адресата как Аристиппа, проповедовавшего ограничение страстей ради разумного блаженства, и Асмодея, как раз эти страсти культивировавшего. Согласно Ивинскому, Пушкин в данном случае не только обозначает другие «два 'полюса' личности Вяземского» (209), но и «актуализирует специфически

‘арзамасский’ контекст» (209) в ее восприятии, и указывает на «специфику его поэтического стиля», с «преобладанием ‘аристипповой’ ‘формы осуждения’» (210).

Парадокс Бибриса, – так называется открывающая рубрику *Сообщения. Заметки* статья В.А. Кошелева, в которой предлагается новая интерпретация эпиграммы К.Н. Батюшкова «Как трудно Бибрису со славою ужиться!», направленной против поэта начала XIX в. С.С. Боброва. На взгляд В.А. Кошелева, существующий комментарий В.Л. Коровина, автора недавней монографии о Боброве (Коровин 2004), неудовлетворителен из-за буквального прочтения двустишия Батюшкова, согласно которому Бобров изображен как обыкновенный пьяница. Как указывает ученый, этому комментарию противоречат: во-первых, биографические данные; во-вторых, взгляды Батюшкова на природу поэзии: по формулировке В.А. Кошелева, «сочинение стихов ‘в пьяному бреду – дело невозможное» (220); в-третьих, существовавшие в начале XIX в. условия по изданию стихотворных сборников, исключавшие возможность сколько-нибудь сносного заработка. По мнению В.А. Кошелева, под «пьянством» в эпиграмме Батюшкова следует понимать метафорический образ графоманства, которое, подобно алкоголю, «ослабляет ‘здравый рассудок’ и ‘душевные дарования’» (223). При этом ученый ссылается на бытовавшее в начале XIX в. значение слова «пьяный», зафиксированное в *Словаре Академии Российской* (1793).

Казалось бы досконально разработанная в советское время тема «Декабристы и Пушкин» продолжает привлекать внимание исследователей. В статье *Незамеченное признание Михаила Орлова (О возможном адресате эпиграммы “Сказали раз царю...”)* белорусский ученый А.И. Федута указывает на фигуру М.Ф. Орлова как на возможный адресат эпиграммы А.С. Пушкина (1825). К этому выводу он пришел, опираясь на наблюдения Л.М. Аринштейна, доказавшего недостоверность мемуаров декабриста Н.В. Басаргина, согласно которым адресатом упомянутой эпиграммы является М.С. Воронцов, а также на показания самого М.Ф. Орлова в Следственной Комиссии по делу декабристов.

Сразу две работы в рассматриваемой рубрике посвящены творчеству Ф.В. Булгарина: исследовательская статья А.В. Кошелева *‘Варвара мне тетка, а правда сестра’: стернианская пословица в русской литературе* и републикация А.И. Рейтблатом мемуарных фрагментов критика из газеты *Северная пчела*, посвященных О.И. Сенковскому, А.Е. Измайлову, Н.М. Языкову, А.И. Дельвигу и П.А. Катенину.

В круге интересов А.В. Кошелева – литературный генезис пословицы «Варвара мне тетка, а правда сестра», которую В.И. Даль посчитал возможным включить в сборник *Пословицы русского народа*. Эту пословицу активно использовал в своей литературно-критической практике один из самых плодовитых и читаемых критиков первой половины XIX в. Булгарин, что и могло поспособствовать, по мнению А.В. Кошелева, окончательной ассимиляции английского романного выражения в русском языке в качестве полноценной пословицы.

В републикованных Рейтблатом мемуарных фрагментах Булгарина содержится один из первых известных нам примеров антибиографического подхода в русской писательской биографике. Булгарин раскритиковал С.П. Шевырева за использование лирики Языкова в качестве биографического документа.

Г. Шевырев [...] *собственными стихами* Языкова хотел определить и литературное развитие, и характер Языкова как поэта и как человека. По нашему мнению, это самое неверное и даже обманчивое средство к определению характеристики человека и поэта. Вы возьмете *одни* отрывки, а я возьму *другие*, и характеристика выйдет двусторонняя. Особенно опасно это средство к изображению

таких поэтов, каковы были Языков, Дельвиг и Баратынский, которые в своих стихах клепали сами на себя небылицы и принужденно представлялись певцами полных чаш, дев и лени. (271)

Хотя сам Булгарин в своей биографической практике проявляет непоследовательность, акцентируя в личности того же Языкова мотив лени, в соответствии с якобы основными мотивами его лирики, или активно используя повести А.Е. Измайлова для характеристики его биографической личности, все же сформулированный им в полемике с Шевыревым теоретический постулат, на наш взгляд, обладает большой эвристической ценностью для изучения генезиса антибиографизма в русском литературоведении и критике первой трети XX века (Черкасов 2009, 17–65).

В оценках творчества больших писателей современниками, как известно, важное значение имеют личностные, внелитературные мотивы. Об этом статья Е.Н. Строгановой «... человек таланта большого, а души низкой»: Е. Салиас де Турнемир о Л. Толстом, в которой рассматриваются отзывы знаменитой в свое время детской писательницы о Толстом. Исследовательница установила факт их личного знакомства, в толстоведении ранее не отмеченный. Особая ценность публикации заключается в том, что Е.Н. Строганова впервые вводит в научный оборот материалы (письма Салиас к дочери и другим родственникам), хранящиеся в Научном архиве Тверского музея. Материалы из архивных отделов и отделов письменных источников провинциальных музеев по разным причинам довольно редко попадают в поле зрения исследователей.

Многогранная деятельность М.В. Строганова по изучению русской литературы и фольклора широко известна, касается она и открытия забытых или полузабытых авторов. В 2012 г. в Твери вышло под редакцией ученого самое полное на сегодняшний день трехтомное собрание сочинений крестьянского поэта С.Д. Дрожжина. Статья с нейтральным академическим названием *История текста стихотворения Спиридона Дрожжина 'Родина'*, как указывает автор, «выполнена в процессе подготовки собрания сочинений» (301). Обычная текстологическая работа позволила исследователю проследить духовную эволюцию поэта, по его словам, «от свойственного народу пессимизма к оптимизму интеллигентского толка» (301).

Н.А. Богомолов опубликовал в соавторстве с А.Л. Соболевым еще одну работу, посвященную теме «З.Н. Гиппиус и ее современники» – биографический очерк *Заветный вензель: к биографии Е. Овербек*. Сложные взаимоотношения последней с Гиппиус воссозданы буквально по крупицам на основе тщательной работы с труднодоступными, в том числе архивными и иностранными источниками. Стереоскопичность реконструируемому образу баронессы Е. фон Овербек придает мастерски использованный московскими исследователями прием «параллельного цитирования» дневниковых, эпистолярных и художественных свидетельств различных корреспондентов, включая как самих «соучастниц» событий, то есть Е. Овербек и Гиппиус, так и современников, более или менее близко знакомых с ситуацией. Особенной ценностью обладает впервые публикуемое письмо Гиппиус к своей confidentке З.А. Венгеровой от 6 апреля 1908 г., в котором та довольно отчетливо формулирует собственные взгляды на моральную природу любви в противовес существующим в ее окружении представлениям.

Разъятие алгеброй психологического комментирования метафорической гармонии таких герметичных поэтов, как О.Э. Манделштам, страдает всякого рода натяжками, домыслами, более или менее правдоподобными предположениями. Не избежали этой опасности М.Ю. Кукин и О.А. Лекманов, авторы содержатель-

ной в целом статьи *О шести строках Осипа Мандельштама*, посвященной девятой строфе стихотворения *Еще далёко мне до патриарха...* (1931). Отчаявшись найти прототип в живописи Тинторетто к мандельштамовскому образу «тысячи крикливых попугаев» («И Тинторетто пестрому дивлюсь / За тысячу крикливых попугаев»), исследователи попытались «вчитать» собственные субъективные представления в авторскую позицию. Кукин и Лекманов пишут:

Ход мандельштамовских ассоциаций мог быть, приблизительно, таким: сначала, как это было ему свойственно, поэт анимировал в своем творческом сознании картины Тинторетто и явственно *услышал* невообразимый шум, производимый его персонажами. Затем общее мандельштамовское ощущение пестроты, множественности и шума оформилось в образ «тысячи крикливых попугаев» (возможно, не без влияния упомянутых нами выше работ фламандцев). (338)

Стремясь «расшифровать» предметный план мандельштамовской метафоры «пучатся кашеёвы Рембрандты», Кукин и Лекманов сводят его к особенности наложения красок у позднего Рембрандта либо даже к особенностям внешности [!] Кашея:

Попробуем сперва объяснить мандельштамовский глагол «пучатся», то есть – вспухают, набухают. Не подразумевается ли здесь знаменитый прием позднего Рембрандта – густое наложение красок на плоскость картины, в результате чего они начинают выступать из картины, образуют объем? Возможно, впрочем, что речь идет о пучеглазости Кашея. (340)

Чуть ниже прототипом Кашея назван помощник директора Эрмитажа Иосиф Орбели, сопротивлявшийся распродаже советскими властями музейных сокровищ! Более перспективным нам представляется «субъектный подход» Д.И. Черашней, на работу которой постоянно ссылаются авторы рецензируемой статьи (Черашняя 2004). Этот подход позволяет увидеть сквозь культурную «патину» мандельштамовских образов культурно-исторические реалии и бытовые подробности советской жизни 1930-х гг. Безусловно ценными являются находки Омри Ронена, указавшего на картину Рембрандта *Артаксеркс, Аман и Есфирь* как на прототип стихотворения Мандельштама *Как светотени мученик Рембрандт* (1937), а также авторов рецензируемой статьи, нашедших убедительное соответствие мандельштамовской метафоры «Дивлюсь рогатым митрам Тициана» и картиной последнего «Введение во храм пресвятой Богородицы».

В рамках проекта *И.А. Бунин: Новые материалы и исследования* (подготовка второй книги тома в серии *Литературное наследие*) О.А. Коростелев публикует сохранившуюся в архиве Буниных (LeedsRussianArchive) рукописную газету В.Н. Буниной *Вести из Пасси*, датируемую весной 1940 г. В это время Вера Николаевна жила в Париже, тогда как И.А. Бунин оставался в Грассе. Таким образом, газета выполняла функцию писем жены к мужу, и в ней запечатлелись подробности жизни Веры Николаевны, которые, с ее точки зрения, могли быть ему интересны. Итак, читатель может почерпнуть из газеты сведения о круге знакомых Буниных: образе жизни, темах для разговора, меню, модах и т.д. Большой ценностью публикации является бережное отношение к каждой детали, только на первый взгляд кажущейся незначительной.

В рубрику *Форум* включена единственная статья С.И. Николаева *О филологическом методе (насуточные заметки)*, в которой на материале Жития протопopa

Аввакума доказываемость так называемого «метода микроистории» для истории литературы.

В известном смысле литературоведческой сенсацией 2012 г. стало «документальное исследование» П.А. Дружинина *Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы*, выпущенное издательством *Новое литературное обозрение*. Нельзя сказать, что об этом мрачном периоде для гуманитарных наук мы ничего не знали раньше, но документы, представленные Дружининым, их суть, стиль, язык, производят сильное впечатление. На сей раз в поле зрения историографа отечественного литературоведения эпохи позднего сталинизма находится филологический факультет Московского университета. Время действия – 1949 год, самый пик борьбы с «безродными космополитами». Статья Дружинина практически свободна от гражданского пафоса, негодования и подобных эмоций. Он лишь раз цитирует Б.М. Эйхенбаума, назвавшего это время временем «мракобесия, лакейства и подлости», но сам воздерживается от подобных эмоций. Исследователь «предоставляет слово документам», изучает и комментирует их, тем самым вскрывая технологию и последовательность «работы» различных инстанций с учеными-филологами. Статья о МГУ, как и другие работы автора на подобные темы, – довольно тяжелое и трудное чтение. Тяжесть эта двоякая: с одной стороны, гнетет сама тема и зловещий «канцелярит» приведенных документов. С другой, – не оставляет мысль, что все это может повториться, пусть, по диалектике, и в несколько других формах. Опыт накоплен, все инстанции, необходимые для подобных кампаний, по сути дела сохранились, всегда найдутся и «общественные активисты», привлекаемые на определенной стадии процесса.

Таким образом, представленная в журнале подборка архивных источников и исследовательских статей представляет собой весомый вклад в историю русской литературы XVIII–XX вв. Авторами первых книжек журнала являются известные специалисты в той или иной области истории русской литературы. Заданный ими уровень публикуемых работ дает твердую надежду на успешное продолжение заявленного журнального проекта.

Литература

- Коровин, В.Л. 2004. *Семен Сергеевич Бобров. Жизнь и творчество*. Москва.
Пухов, В.В. 1983. Первое послание В.А. Жуковского к П.А. Вяземскому. *Русская литература* 1, 187–189.
Тынянов, Ю.Н. 1977. *Поэтика. История литературы. Кино*. Москва.
Черашняя, Д.И. 2004. *Поэтика Осипа Мандельштама: Субъектный подход*. Ижевск.
Черкасов, В.А. 2009. *Державин и его современники глазами Ходасевича*. Белгород.

Вологда
(rosanov007@gmail.com)

Юрий Владимирович Розанов

Белгород
(cherkasov.valeri@mail.ru)

Валерий Анатольевич Черкасов